

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

НЕ ТОЛЬКО ЗАБАВЫ РАДИ

Умя Евграфа Дольского по праву должно открывать антологию воронежской сатиры и юмора, если бы таковая существовала. Однако сегодня о нем – постоянном авторе знаменитого дореволюционного журнала «Новый сатирикон» и не менее популярных изданий первого советского десятилетия «Бегемот» и «Смехач» – мало кто знает, чему, впрочем, немало поспособствовал сам сочинитель.

Писатель Ефим Зозуля, состоявший секретарем редакции «Нового сатирикона» и по этой причине обязанный встречать-привечать авторов, о Дольском вспоминал так: «Я лично его никогда не видел. Он присылал свои рассказы и фельетоны откуда-то из провинции – присылал всегда в неимоверном количестве – почти ежедневно или через день, во всяком случае, бесконечно часто. Чистенькие рукописи, написанные ровным почерком, без помарок. До сих пор стоят в моей памяти конверты, по которым я узнавал присылы Евграфа Дольского, – с четким, почти рисованным адресом».

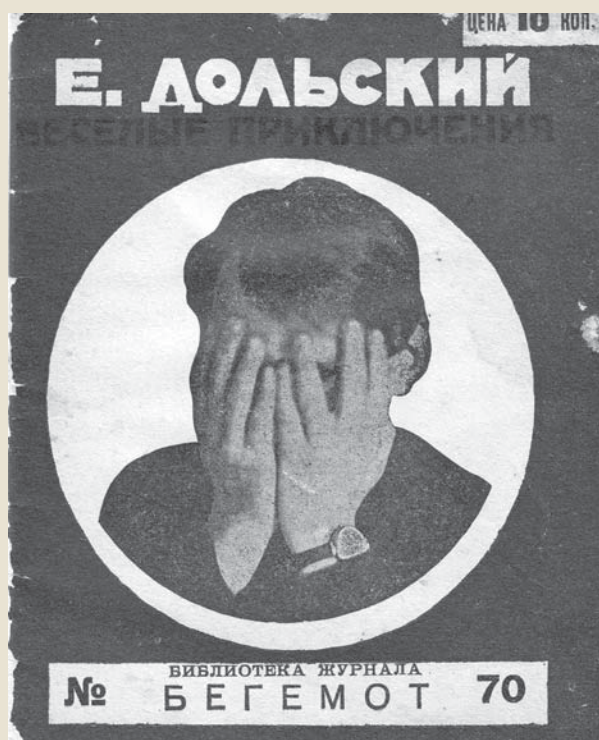
Фактически это единственное упоминание о работе писателя в легендарном журнале, в воспоминаниях других «сатириконцев» о Дольском – ни слова. Нет его имени ни в многочисленных научных статьях, посвященных самому яркому предреволюционному сатирическому изданию; ни в монографиях о жизни и творчестве его бессменного редактора Аркадия Аверченко; ни в текстах, повествующих о судьбах знаменитых авторов «Нового сатирикона» – художников Ремизова, Радакова, Яковлева, Бенуа, Добужинского, юмористов Тэффи, Дымова, Бухова, поэтов Саши Черного, Мандельштама, Маяковского, Городецкого, Князева, прозаиков Куприна, Андреева, Алексея Толстого, Грина...

Между тем продуктивность Евграфа Дольского в том издании была впечатляющей: за четыре года сотрудничества с «Новым сатириконом» он опубликовал там более полусотни сатирических рассказов и юморесок. При этом в лицо его в редакции, похоже, так никто и не увидел.

Таинственность, окружающая сатирика Дольского, не развеялась и в советские времена. В опубликованной в 1927 году в серии «Библиотека журнала “Бегемот”» его книге «Веселые приключения» во всю обложку напечатана фотография автора, на которой он двумя ладонями закрывает лицо. Этот же снимок помещен в выпущенной через год в Ленинграде книжце «Бегемотник», где собраны автобиографии писателей-юмористов той поры.

Автобиография Дольского написана лихо, с юмором («Я родился в августе 1913 года в “Новом сатириконе”, а впервые дебютировал в 1908 году, выпустив в свет, без предварительной цензуры и на свои средства, сто экземпляров визитных карточек...» и т. д.), но к реальному облику автора мало что добавляет. Правда, в том же 1928 году в очередной книжке Дольского из серии «Библиотека журнала “Бегемот”» («Похищение ведьмы») его портрет на обложке таки появился, но запечатленный на нем человек смотрел на мир с таким сожалением, которое иначе, как прощанием и не назовешь.

Впрочем, как оказалось вскоре, Евграф Дольский и вправду простился с читателем. Через некоторое время после выхода той книжки самый таинственный отечественный сатирик 1910–1920-х годов навсегда исчез со страниц юмористических журналов. Что с ним произошло? – никто не знал. «Где он сейчас – мне не известно. В печати этого имени я не встречаю», – констатировал в 1939 году тот же Ефим Зозуля.

Обложка книги Е. Дольского
«Веселые приключения». 1927 год

Тайна, которой окутал свое творчество писатель, продержалась до нашего времени. В 2014 году современный исследователь отечественной сатиры Рафаэль Соколовский на страницах журнала «Вопросы литературы» признавался: «...когда я “споткнулся” о биографию Евграфа Дольского, готовя републикацию его рассказа “Случай при переписи”, первое, что пришло в голову, – наверное, и он – жертва сталинских репрессий. Но никаких подтверждений у меня не было».

Меж тем разгадка тайны все эти годы хранилась в нашем городе.

...Тихая старинная воронежская улочка 25-го Октября, до революции носящая имя Большая Богоявленская, спускается вниз почти к самому водохранилищу. Здесь осталось несколько домов второй половины XIX века. Один из них, под номером 21, находится на крутогоре и поэтому имеет достаточно большой цокольный этаж. В нем еще с 1898 года проживает семейство Дольских.

Писатель-сатирик Евграф Дольский был старшим сыном первого владельца фамильного дома – священника расположенной рядом Богоявленской церкви. Сейчас в доме живет внучка автора «Нового сатирикона» и «Смехача» Вера Владимировна

с мужем Владимиром Андреевичем Черниковым. Именно они в свое время рассказали воронежским любителям старины Александру Акиньшину и Олегу Ласунскому историю жизни таинственного сочинителя, а также предания обо всем семействе Дольских – представителях нескольких поколений местной интеллигенции, связанных не только с церковным служением и литературным творчеством, но и с высшей школой. В том числе и с Воронежским университетом, где члены этого семейства преподавали в разные годы. Результатом тех открытий стал очерк «Дольские как они есть», опубликованный названными авторами еще пару десятилетий назад в одной из своих книг.

Позже в том доме побывал и я, чтобы выслушать рассказ о загадочном «отце воронежской сатиры» из уст его ближайших родственников.

Евграф Дольский был назван в честь своего деда – священника все той же Богоявленской церкви Евграфа Дмитриевича Петрова. Позже в этой церкви будет служить и отец будущего сатирика Евгений Алексеевич.

Евграф Евгеньевич продолжать семейную церковную традицию не стал. В 1908 году он окончил Воронежскую гимназию и отбыл в столицу, где стал студентом только что открывшегося инженерно-строительного отделения Петербургского политехнического института. Несмотря на техническую направленность вуза, Петербургский политех дал стране несколько первоклассных писателей. Так, в начале XX века, помимо Дольского, здесь обучались Евгений Замятин (тоже, кстати, бывший воронежский гимназист) и Леонид Добычин, Глеб Струве и Борис Житков, а еще убивший председателя петроградского ЧК поэт Леонид Каннегисер, один из наиболее ярких представителей писательской группы «Перевал» Петр Слётов, писатель-сатирик Михаил Козырев, известный пушкинист Борис Томашевский... Короче говоря, слово в этом вузе любили и учили студентов бережно с ним обходиться.

Публиковался ли Дольский в столичных изданиях в свои студенческие годы – нам неизвестно, а вот свидетельств его присутствия на страницах воронежской периодики этого времени обнаружено немало. В родных пенатах он оттачивал стиль, учился выстраивать сюжеты, шлифовал диалоги... Когда же после окончания института Евграф вернулся на родину и стал служить здесь инженером в Обществе Юго-Восточных железных дорог, он начал посылать свои тексты в редакцию «Нового сатирикона», который как раз летом 1913 года основал Аркадий Аверченко с группой приятелей, покинувших прежний «Сатирикон».

Почему для литературного дебюта в столице молодой инженер-путеец выбрал сатирическое издание? Думаю, что отчасти виной тому стало время.

В годы, предшествующие Первой мировой войне, в России грянул газетный бум, начали расти тиражи изданий, в которых взорвались и стали беспрерывно трещать сатирические фейерверки: фельетоны, карикатуры, жанровые сценки, анекдоты с прозрачными политическими намеками... Россия училась громко и зло смеяться над собой, находя в этом разрешенном теперь занятии неведомое ранее удовольствие. Известный литератор А. Амфитеатов писал, что «сатириконцы» были порождены «петербургской улицей», потому их творчество – «попытка создать новую полуинтеллигентную музу, усвоив и облагородив ходовые и любимые массою манеры».

Евграф Дольский пришел в популярный журнал со своей темой. Если остальные авторы «Нового сатирикона» наперебой описывали веселые нравы российской столицы, то он избрал главной темой, источником остроумных сюжетов для своих рассказов – жизнь губернского города. Юморески Дольского создавались из бытового пустяка, мелочей провинциальной жизни. Вереница героев российской глубинки проходила в его рассказах перед глазами читателя: нерадивые гимназисты, глуповатые горничные, мечтательные барышни, влюбленные коммивояжеры, философствующие конторские служащие, туповатые городовые, графоманы, атакующие редакции газет и журналов... В описываемом Дольским провинциальном городе насмешкам автора подвергаются пошлость, ограниченность, жадность, тщеславие.

«Этой весной я понял, что за меня любая девица замуж пойдет. Будем говорить прямо: что такое любовь? С глаз долой, из сердца вон – вот и вся любовь.»

А как молодые люди ближе к фронту продвинулись, так мы – положительные люди – разом себе дорогу к девичьему сердцу прочистили.

Это я разом понял...» («Мещанское счастье»).

«После ухода доктора я юркнул в свою комнату покурить. Запер дверь на крючок и, радостно потирая руки, подошел к книжному шкафу.

Я опоздал... Кто-то украл и табак, и гильзы, и трубку, все, все...

Кто? Какому подлецу может мешать мой табак? На душе стало гадко» («Спекулянты»).

«Артистка Гималаева согласилась принять участие в благотворительном концерте и обещала пропеть малороссийскую песенку “Ой за гаем, гаем”».

Обложка книги Е. Дольского «Похищение ведьмы». 1928 год

Только после того, как были отпечатаны афиши и три четверти билетов были распроданы бегавшими по городу студентами, артистка сделала страшное открытие: она не знала малороссийского языка» («Страшный язык»).

После Октября 1917-го воронежский сатирик прекращает печататься в «Новом сатириконе». Как известно, журнал занял по отношению к советской власти резко отрицательную позицию и по личному распоряжению Ленина был закрыт в августе 1918 года. Но не это стало причиной разрыва. Как истинный «сатириконец» Евграф Дольский не принял большевистской революции, как, впрочем, и все его семейство. В 1919 году они покинули Воронеж вместе с отрядами белоказаков генерала Шкуро. А уход его из сатирического журнала объясняется просто: революционная почта стала работать со сбоями, так что посылать в столицу корреспонденции было уже невозможно.

Вынужденно оказавшийся на Кубани Евграф Дольский открыл театр, с которым начал колесить по станциям, разыгрывая им же самим сочиненные пьесы. Любопытно, что в то же самое время со своим театром-кабаре разъезжает по югу России и редактор закрытого «Нового сатирикона» Арка-

дий Аверченко, который в конце концов окажется в эмиграции.

А Евграф Дольский вернется в Воронеж.

Отгремела Гражданская война. После пережитых потрясений у большинства уцелевших жителей страны возникло острое желание веселиться, радоваться, смеяться. Талант Дольского оказался востребованным. И он возобновил посылки корреспонденций из Воронежа в город на Неве, где к тому времени возникли новые сатирические журналы, в которых стали мелькать имена некоторых из бывших «сатириконцев». Новая власть – до поры до времени – не сопротивлялась этому процессу. В 1920-е годы большевики пока лишь корректировали его, внушая мысль о вредности царизма, веками душившего в России смех и заставлявшего писателей-сатириков отравляться собственным ядом. Но вот теперь наконец-то на смену изжившей себя сатиры пришел благородный пролетарский смех, который должен выплескиваться на страницы юмористических журналов...

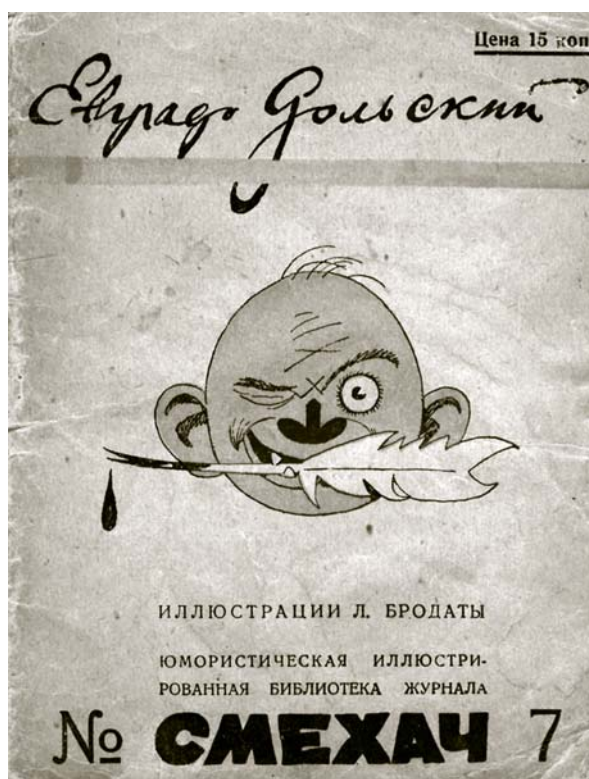
Постреволюционные тексты Дольского отличаются от его «сатириконовских» рассказов большей глубиной. Чувствуется, что автор пытается исследовать рефлексивные и психологические причины, двигающие поступками его героев. Этот признак проявляется у Дольского в 1920-е годы и в выборе героев, и в изображении их движений по фабуле, и в толковании этих движений и действий. Его герой продолжает жить в российской глубинке, ставшей теперь советской, и вдалеке от столицы желает вкушать тихие радости похмелья после революционно-го опьянения предыдущих лет.

«За последнее время распространились слухи, будто приобретенный мною на Малой Гусиновке домик куплен на украденные деньги. Эта жесточайшая мораль принижает меня и отравляет покой, и для торжества истины я решаюсь взять в руки перо и опубликовать нижеследующие записки». («Массовое производство»).

«В мленькой боковой комнате жил Епиходов. Встречались мы с ним очень редко, потому что на работу он уходил засветло, а возвращался так поздно, что мы, утомленные дневными заботами, уже теряли к его особе жгучий интерес и мечтали только об удовольствии поскорее шмыгнуть под одеяло и, свернувшись калачиком, потихоньку перейти в удивительный мир грез.

Но зато его комнату и его богатства мы знали в совершенстве...» («Отчаянный Епиходов»).

«На севере уже легла зима, а в Курьем Городке еще осень. Нудная, противная осень. Дождь идет

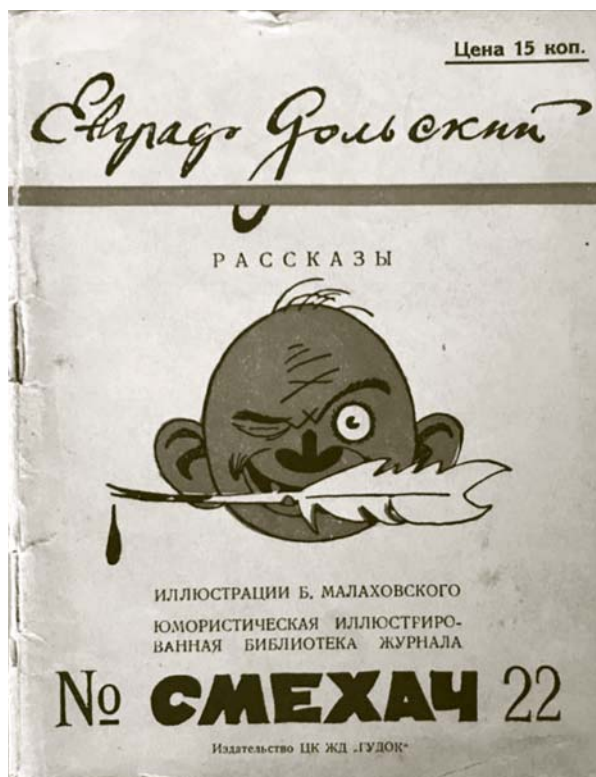
Обложка книги Е. Дольского «Рассказы». 1926 год

круглые сутки, грязь сплошная, ни пройти, ни проехать. Вся жизнь замерла, – даже кино “Солнце Свободы” день за днем отменяет сеансы, потому что в театр не ходит никто.

Москва! Ленинград! Слышишь ли? Слышишь ли ты нашу осеннюю нудную скуку?» («Клин клином»)...

В 1928 году, когда власть объявила план коренного переустройства всех сфер жизни, тихий герой Дольского исчез. Вместе с ним предусмотрительно исчез и сам автор.

С 1930 года у него другая биография. Отныне Евграф Евгеньевич преподает в воронежских вузах, пишет учебники, методички. Вот названия лишь нескольких его книг, вышедших в то время в Воронеже: «Мосты. Технической очерк», «Техника на службе у транспорта», «Основы плотничьего дела. Первая книга для начинающих плотников», «Механика для строителей» в 2 частях, «Теоретическая механика. Кинематика и динамика», «Статика и сопротивление материалов»... Написаны эти книги добротным литературным языком, выдающим в авторе несомненный писательский дар: «Я приглашаю читателя на минуту закрыть глаза и заставить себя перенестись на сто лет назад, далеко за пре-

Обложка книги Е. Дольского «Рассказы». 1928 год

дела нашего Союза. Так. Теперь раскроем глаза и посмотрим на совершившееся чудо...» и т. д.

Со временем Дольский стал заведующим кафедрой в Воронежском инженерно-строительном институте, по совместительству вел курс высшей математики на физико-математическом факультете ВГУ...

Когда началась война и фашисты захватили правый берег Воронежа, Евграф Дольский вместе с женой остался в оккупированной части города. Как и других воронежцев, не успевших перейти на левый берег, их выгнали из дома и отправили под охраной сначала в Курск, потом в Полтаву и наконец в Киев, где Дольский какое-то время работал техником на овощехранилище. В оккупации он потерял жену. После войны говорил, что «жизнь под немецким сапогом – это такое страшное, что может только присниться».

После Победы жил в Киеве, продолжал заниматься наукой. На какое-то время сделался сторонником теории украинского профессора-математика С. М. Колотова, доказывающего некий особый «инженерный» способ преподавания начертательной геометрии. О той теории Дольский даже написал книгу. Умер он в 1963 году от бронхиальной астмы,

незадолго до смерти в соавторстве выпустил массовым тиражом учебное пособие для студентов технических вузов Украинской ССР «Аксонметрические проекции», по которому, насколько мне удалось узнать, учатся до сих пор...

Перед смертью Евграф Евгеньевич переправил в Воронеж свой литературный архив. Оказывается, все эти годы он писал художественную прозу – тем же «ровным почерком, без помарок», впечатлившим некогда секретаря редакции «Нового сатирикона». Позже его рукописи родственники писателя передали Олегу Григорьевичу Ласунскому, в фонде которого в Государственном архиве Воронежской области они теперь и хранятся.

Среди бумаг и папок – несколько незаконченных произведений писателя, никогда прежде не публиковавшихся.

Над романом «Страна моих отцов», главы из которого мы печатаем в этом номере, Евграф Дольский работал летом 1944 года. Посвящен он Воронежскому (в рукописи – Грачевскому) университету предвоенной поры, где, как вы уже знаете, писатель тогда преподавал. Первая глава рукописи – особая: автор описывает разрушенный войной родной город.

«Только два на весь проспект (вы слышите, – только два!) дома случайно, непонятно как и почему уцелели: оба – дряхлые старики, насчитывающие за своей спиной по крайней мере сто лет. Раньше они ни разу не видели друг друга – десятки больших зданий отделяли их и мешали взаимной связи. Теперь, когда кругом все голо, когда даже деревьев нет, они могут перекинуться парой словечек и по-старчески пожаловаться на судьбу...»

Дольский времен «Нового сатирикона» и «Смехача» ненавидел мещанский уют, считал его плоской рутинной и мечтал, как и все сатирики той поры, преодолеть человека в человеке. И вот теперь он увидел, что может случиться, когда это преодоление осуществится. Пришедший на его родную землю германский сверхчеловек оказался еще пошлее, еще чудовищнее мещанина! Огромная стальная механистичность при ближайшем рассмотрении оказалась не сверхчеловечной, а дочеловечной...

Так в одной из тайных рукописей всеми забытого, исчезнувшего из поля зрения и читателей, и цензуры «сатириконтца» Евграфа Дольского сквозь привычные для этого автора веселье и задор, наполняющие другие главы этой рукописи, неожиданно проросло философское осмысление жизни...

Думаю, наследие писателя хранит еще не одно открытие.